

ПРОШЛОЙ ОСЕНЬЮ В МОСКВЕ

"Прошлым летом в Чулимске"

А. Вампилова на Малой сцене МХТ им. А.П. Чехова

...Никто из них не понимает, что это за олимпийское чувство — выслушать здесь, в столице, их идиотские пожелания:

"Скоро партийный съезд, сделали бы что-нибудь в преддверии", грустно улыбнуться, промолчать, сесть, наконец, в поезд и ехать домой, мимо всех этих Илимсков, которые скоро, "в преддверии", затопят, и следа от них не останется. Не останется...

Дома в Иркутске Вампилов даже не вспоминал эти "пожелания". И никогда не посылал "глухих проклятий" властям, комфортно устроившимся в колыбели застоя. Надо признать, что и они ему не мешали. Скорее всего, не понимали всю сложность явления. А по тому и не перестраховывались. В результате возникла неповторимая вампиловская драматургия. Как будто сам боженька рассудил: надо же кому-то и правду писать. Перед этим, несомненно, поцеловал его в темечко...

Так, ну или примерно так, как говорится, в результате возникла пьеса "Прошлым летом в Чулимске". Вещь, за вершившая его недолгое блистательное творчество. Об этом с досадой и сожалением говорит режиссер Сергей Пускепалис, недавно поставивший ее на под мостках старейшей сцены: "Как-то до сих пор переживается эта нелепая смерть... Многие начинают его понимать, посмотрев спектакль". Пускепалис чувствует не время, которое, кстати сказать, особо и необозначено в пьесе. Чувствует он человека, каждого в отдельности.

Много лет назад автору этих строк посчастливилось близко пообщаться с драматургом. Сидели мы вечером в общежитии одного из театров Иркутска, усталые, не бритые, не довольные. Молчали. Остро чувствовали незавершенность последних двух дней. Для того что бы поставить точку, ну жен был третий. Но финансовые ресурсы, в отличие от физических и душевных, были на исходе. И вдруг... Говоря о премьере в МХТ, я спросил у Сергея Пускепалиса, не кажутся ли ему немотивированными некоторые метаморфозы в жизни главного героя пьесы следователя Шаманова. Ну, к примеру, чего это он вдруг восстал против своей прошлой благополучной жизни... Или с чего это, получается, почти ни с того, ни с сего, "рассмотрел" Валентину?

"Так это не ко мне вопрос. К Пушкину. Он ведь на этом "вдруг" основал русскую литературу", — от ветил Сергей.

...И вдруг в общежитие пришел наш общий друг. Громогласный, еще не растревоженный коньяком, полный оптимизма, он посмотрел на нас и сказал: "А я за вами. Едем на свадьбу к N".

"Да ты что! — довольно фальшиво всполошился я. — Мы же в таком виде..."

Было мне, студенту филфака, о ту пору девятнадцать, и я, кстати, еще и не брился толком. Но по виду Сани (так звали Вампилова друзья) понять можно было многое — и неутешительное. Но все равно, конечно, поехали.

Роль Анны Хороших играет в новой постановке актриса Наталия Егорова. Ее можно поправу считать ветераном вампиловской драматургии. Вспомните Нину в "Старшем сыне", телефильме Виталия Мельникова: сколько лет прошло, а все равно на душе

теплее, когда видишь эту красивую и трогательную девочку. В нынешнем “Чулимске” Егорова, как и в “Сыне”, точно на своем месте. Пожилая женщина, пытаясь избежать неизбежной развязки, твердит сыну: “Уезжай, Паша. Не место тебе здесь. Уезжай”. Свадьбу гуляли в роскошном иркутском ресторане “Байкал”. Конечно, мы с СаВремя от времени, когда привезший нас общий друг, пользовавшийся на свадьбе авторитетом, куда-то ускользал, она обращала к ней, взятые тепленькими, выделялись среди гостей — лицом и платьем. Саня в старых линялых джинсах и свитере и я, надевший разные ботинки. Мать невесты сразу неодобрительно приняла новых неожиданных гостей. И была в своем праве. свой взор на Саню и говорила: “Уезжай, милый. Не место тебе здесь. Ну, посмотри на людей-то! Уезжай”. Меня она, по молодости моих лет, во внимание вообще не принимала. А гости как на подбор были все в белых нейлоновых рубашках и узеньких черных галстуках. Я ж говорю — мать была в своем праве. Саня молчал и грустно улыбался. По том ее монолог все же услышал жених, и наконец-то возникла первая трещина в отношениях с тещей. Декораций на сцене минимум, пресловутый заборчик палисадника да шаткие деревянные подмости. А внизу вода по щиколотку. Артисты все время меняют башмаки и туфли на сапоги. Вселенский потоп. Топит, топит что-то наши души. Сначала по щиколотку, но не успеешь и глазом моргнуть, а вокруг уже погорло. Наверное, интуитивно, да что там, наверное, уж точно не по долгим размышлениям, постоянно ладит этот заборчик Валентина. Хотя как-то остановить потоп. Не умом, так сердцем. Хотя Яна Гладких стреми тельно и ярко играет смышленную девочку. Уже не подростка, но еще и не женщину. Режиссер с актрисой сработали героиню, изначально нравящуюся всем. На славу себе и людям, в сердце. За эти годы разных мы видели Валентин. Иногда казалось, что не только из-за любви к Шаманову героиня остается в Чулимске. Просто девушка кое-как училась в школе, и немногословна-то она не потому, что работает душа, а просто сказать нечего. И штакетины прибавляет для такого своего, для девичьего понта. Пускепалис видит другую Валентину. У этой есть что сказать. Но режиссер ставит на игру, а по том уже на слова. И актриса выполняет его замысел на все сто. Его и драматурга.

Как-то летним солнечным днем сидели на “пеньке”, такой был большой бугор на набережной Ангары, а на нем кафе-стекляшка. Я только что прочитал пьесу, тогда она еще называлась “Валентина”. Все же рано бог меня свел с этим человеком. Хотя большое ему за это спасибо. Дальше было бы поздно. Но тогда я ляпнул, что у нас в школе можно было бы штук пятьдесят таких Валентин набрать. Он посидел, помолчал, потом ответил: “Так б этом и речь. И все разные”.

Премьера в МХТ удалась, конечно, не только потому, что Сергей Пускепалис показал нам новые грани этой новой Валентины. Казалось, ее история — фабула.

“Да что вы! — говорит режиссер. — Эта драма повеселее будет”.

За ней ощущаешь и душу следователя Шаманова, и бесхитростность эвенка, и бессмысленность Мечеткина, и тупики вполне еще себе дамы Кошкиной. Там, братцы, наша общая беда.

И совершенно иные интонации. Валентина абсолютная природная секси, Шаманов в исполнении Никиты Зверева почти до самого конца кажется нам хорошо огретым чем-то твердым по башке. Да, так у Вампилова, и артист как будто его услышал, он валяет дурака, но залчу встает: эти его дурь и полусон когда-нибудь... да что там, скоро кончатся. И зрителю словно помогает филигранная, крепко сшитая игра остальных актеров. Думаю, многие мужчины будут теперь вспоминать отточенную Анну Банщикovu в роли Зины Кошкиной и многие женщины не забудут обаятельного, словно кот Бегемот, Станислава Дужникова с его Мечеткинм.

Однажды мы опять пересеклись с этим парнем, коварно завлекшим нас на чужую свадьбу. “Как, — спросил Саня, — как там тогда все кончилось? У меня еще долго сердце что-то не доброе чувствовало”.

— “Так на то ты и художник. А кончилось все обыкновенно — дракой”.

— “Видишь, как мы во время откланялись. И кто кого?”

— “Ну, мы же то гда из ресторана в предместье, в Жилкино, переместились. В дом невесты. Я не помню, вы-то там были?”

— “Были. Но бог милостив — уехали сразу после того, как братья невесты стали “камаринского” с деревянными ложками наяривать”.

— “А... Ну, по везло. Короче, вышли мамаша, уже ближе к ночи, двор проверять. Зашли в стайку, а там один доцент из политеха на мешок с пельменями прудит. Так она его начала мутузить и все приговаривала: “Ты смотри! В галстук! В костюме! В ту фельках!” Кое-как отбили. Но дрались все. Даже невеста жениху в прическу вцепилась”.

Я помню, как мы на такси возвращались из этого Жилкина. Саня посмотрел в окошко и сказал: “А теперь представь, что мы здесь одни бы оказались. Без денег, и никого знакомых”. Мы за смеялись. К тому времени “Старший сын”, кажется, уже где-то был поставлен.

Когда Вампилов погиб, утонул в Байкале, меня не было в Иркутске. Вернувшись, я тут же позвонил Глебу Пакулову, местному писателю, с которым Вампилов был тогда в лодке и который чудом спасся. Страдал Глеб безмерно, хотя, конечно, никакой вины его в гибели Сани не было.

“А, это ты, — ответил Пакулов. Потом наступила пауза, и, наконец, он продолжил: — Ну, приезжай. Я и тебя утоплю”.

Не удивляйтесь — мне как-то стало легче. Почему — это за гадка для драматурга Александра Вампилова. Эта реплика была из его драмы. Но он утонул.

К чему я все это рассказываю, зададите вы законный вопрос. И будете в своем праве. Но я все постараюсь объяснить.

После этого мхатовского спектакля у меня появилось какое-то новое ощущение. И связано оно было не напрямую, не со всем с драмой, с вампиловским текстом. Через пару дней встретился с Пускепалисом, зашли в кафе, попили кофе и вдруг...

Да, вдруг дошло. Как будто он был рядом с нами в этих воспоминаниях. Третьим. Совсем еще молодой человек, совсем по-новому рассказавший эту давнюю историю. Но интонация была прежней, иркутской, из той стекляшки на берегу Ангары.

Андрей Соколов

журнал "Современная драматургия" №1 2013 г.

